

— Го Няньцзы, погрузи эти два кувшина на телегу. Смотри, не разбей.

— Хорошо.

Го Няньцзы опустил голову, вытер предплечьем пот со лба, сжал горящие от боли ладони, затем наклонился, одной рукой ухватился за горлышко одного кувшина, другой - за второе. Тяжело выдохнув, он напрягся и поднял их, после чего, пошатываясь, понёс к телеге.

Это был уже третий день его работы в гончарной лавке. Работы здесь было не так много: кроме зазывания покупателей и продажи кувшинов, в основном приходилось их переносить. По сравнению с тем, что он делал, живя у второго дяди, труда было гораздо меньше. Единственное, что оставалось прежним, - еды по-прежнему не хватало. Он всё так же не наедался, сил не хватало, и каждый раз, поднимая кувшины, он боялся, что уронит их. Разбить хотя бы один означало потерять заработок за несколько дней.

Учиться он больше не мог. Теперь ему нужно было копить деньги, чтобы вернуть долг старшему брату.

При мысли о брате силы словно прибавлялись. После смерти родителей именно брат вырастил его, зарабатывал деньги, чтобы он мог учиться. Когда в тринадцать лет он сдал экзамен и получил степень туншэна, впервые в жизни увидел, как брат плачет навзрыд. А ведь его брат всегда казался таким сильным человеком.

После получения степени туншэна родственники, которые давно исчезли из их жизни, вдруг объявились вновь. Второй дядя даже забрал его к себе жить, говорил, что теперь их дом - это и его дом тоже, а брату велел спокойно работать на стороне и присылать заработанные деньги домой.

Он не хотел жить у второго дяди. Одному ему на самом деле было неплохо, всю работу по дому он умел делать сам. Но старший брат волновался, а раз брат волновался - значит, он пошёл.

Недавно второй дядя выгнал его. Потому что в прошлом месяце брат поздно прислал деньги.

«Думали, раз ты стал туншэном, сможешь поучить двух младших братьев, чтобы и они сдали. Столько лет ел и жил у нас даром - мы и благодарности не ждали, но кто знал, что ты и правда окажешься неблагодарной тварью!»

Таких слов второй дядя не сказал бы его брату, и он сам тем более не позволит брату узнать. Брату и так тяжело работать, он не должен тянуть его назад.

Но когда он увидел брата у входа в гончарную лавку, сразу понял: всё-таки снова стал для него обузой.

— ...Что ты здесь делаешь? — Го Бацзы переводил взгляд с кувшинов в руках младшего брата на телегу и обратно, глаза его расширились от неверия.

Го Няньцзы осторожно поставил кувшины на телегу, медленно обернулся и тихо, с улыбкой позвал:

— Брат. Ты зачем пришёл? В лавке нужны кувшины? Какие хотите?

— Я спрашиваю, что ты здесь делаешь! — сдавленно рявкнул Го Бацзы.

— ... — улыбка Го Няньцзы застыла. Он с трудом продолжил: — Продаю кувшины. Ещё есть песочные горшки и прочее, видов много...

Чем дальше он говорил, тем тише становился голос. А увидев всё более мрачное лицо брата, он и вовсе замолчал.

— Го Няньцзы! Чего копаешься? Внутри ещё шесть больших кувшинов надо вынести! — хозяин гончарной лавки вышел наружу и, увидев Го Бацзы, замер. — А это кто?

Го Няньцзы обернулся и слабо улыбнулся:

— Это мой старший брат, он... он пришёл...

— Домой. — Го Бацзы схватил его за руку и потянул назад. — Это разве работа для тебя? Домой, учиться!

— Брат... — Го Няньцзы вырвался и отступил на два шага. — Я не пойду.

Го Бацзы тут же вспыхнул. Не слушая отказа, он бросился вперёд, обхватил брата и потащил назад. Го Няньцзы боялся задеть его и не решался сопротивляться в полную силу, так что оба сцепились прямо у входа в лавку.

Хозяин гончарной лавки смотрел во все глаза:

— Эй-эй! Только не деритесь!

— Бацзы! — когда пришёл Вэнь Юань, лица у обоих уже покраснели от напряжения. Он поспешно велел Юй Лану разнять их.

Юй Лан подошёл, одной рукой схватил за ворот одного, другой - второго, без малейшего усилия приподнял, развёл в стороны и поставил на землю.

Го Бацзы: «...»

Го Няньцзы: «...»

Хозяин гончарной лавки: вот это сила... не хочет ли он у нас кувшины таскать?

— Бацзы, сначала возвращайся, — Вэнь Юань увидел его полное нежелания лицо и сказал твёрдым голосом: — В закуской ещё рабочее время. Ты что, больше не хочешь быть работником?

Го Няньцзы сразу встревожился:

— Хозяин Вэнь, не вините брата, это моя вина. Брат, ты... ты сначала возвращайся...

— Не тебе меня учить! — Го Бацзы со злостью оттолкнул его и большими шагами пошёл обратно.

— Брат... — Го Няньцзы хотел догнать, но Вэнь Юань остановил его.

— После работы сможешь прийти в закускую? — спросил Вэнь Юань.

Го Няньцзы оглянулся на хозяина гончарной лавки. Тот стоял, уперев руки в бока, явно сердитый. Го Няньцзы поклонился Вэнь Юаню:

— Простите, хозяин Вэнь. Это я поступил неразумно, не вините брата. После работы я приду.

Вэнь Юань кивнул и вместе с Юй Ланом вернулся. Когда они пришли в закускую, Го Бацзы уже встречал гостей, только голос у него был резкий, лицо мрачное - явно сдерживал злость.

Вэнь Юань подозвал его:

— Некоторое время только убирай столы и посуду. Встречу гостей, заказы и подачу блюд оставь Юй Лану.

Го Бацзы замер, потом глухо кивнул:

— Понял, молодой хозяин.

Вэнь Юань увидел, что тот пока держится, и отпустил его работать.

В последние дни в закусочной добавилось несколько новых блюд - все от Люй Сань-нян. Меню стало богаче, и постоянных гостей тоже прибавилось. Эти люди привыкли ко вкусу закусочной семьи Вэнь. Стоило им зайти в другое место, как казалось, будто чего-то не хватает, и, покрутившись, они всё равно возвращались. Дела постепенно стабилизировались. Каждый день приносил не меньше двух лян серебра, а в удачные дни доходило до четырёх. Для Вэнь Юаня уже это было очень хорошо.□□

Сегодня как раз было десятое число - день выплаты жалованья.

Люй Сань-нян стала главным поваром закусочной, и жалованье ей следовало поднять. Только она заняла это место совсем недавно, сразу повышать слишком сильно было неудобно. Вэнь Юань подумал и решил пока добавить ей один лян. Остальным жалованье оставалось прежним: Чжоу Цидоу и Го Бацзы - по одному лян, Юй Лан - два лян. Так что всего на работников выходило шесть лян.

Небо темнело. Лавки на улице начали вывешивать фонари, у придорожных лотков поднимались тонкие струйки дыма, а за этим дымом виднелись лица, полные суеты и забот. Прохожие спешили домой ужинать, а те, кто собирался поесть снаружи, тщательно выбирали любимую лавку или закусочную. Неподалёку на пустом месте появилась труппа акробатов. Там были и огненное дыхание, и балансировка чашами, и силовые номера, и кулачные приёмы с палками и мечами - всё выглядело так зрелищно, что толпа то и дело взрывалась радостными криками и громом аплодисментов.

Такие труппы чаще всего приходили из других мест, выступали несколько дней, зарабатывали достаточно денег и отправлялись дальше. На этот раз акробаты привезли особенно захватывающее представление с огнём и боевыми сценами. Зрители хлопали так, что ладони болели, а когда бросали серебро, даже не моргали.

Некоторые, проголодавшись после зрелища, собирались по трое-пятеро и заходили поужинать в ближайшую закусочную. Вэнь Юань стоял за стойкой и пересчитывал серебро. Слушая, как гости оживлённо обсуждают только что увиденные трюки, он невольно захотел сам посмотреть, правда ли всё настолько замечательно.

— Он правда удержал на голове пятьдесят чаш? — удивлённо спросил Вэнь Юань.

— Правда! Я даже дважды пересчитал, — ответил гость. — И как он их держал, непонятно. Смотришь - качаются, вот-вот упадут, а не падают. Чудеса!

— И правда мастерство... — вздохнул Вэнь Юань.

В закусочной всегда можно было услышать от гостей всякие удивительные истории: то о домашних делах, то о деревенских, то о происшествиях на работе, то неизвестно где подслушанные слухи. Когда гости рассказывали, лица у них становились такими живыми, будто всё происходило прямо у них на глазах. Вот и сегодня, заговорив о номере с чашами, один из них вдруг взял пустую чашку закусочной и поставил себе на голову.

— Эй... — Вэнь Юань поспешно остановил его. — Этой чашкой играть нельзя...

Рука гостя дрогнула, чашка уже готова была упасть, но тут мелькнула чёрная тень и крепко поймала её.

— Эта чашка не для забав, — без выражения сказал Юй Лан и поставил её обратно перед гостем.

Вся компания за столом замерла, затем неловко извинилась:

— Простите, увлеклись.

— Ничего. Приятного аппетита.

Сказав это, Юй Лан развернулся и ушёл.

— Напугали меня до смерти. Я уж думал, чашка разобьётся, — Вэнь Юань вытер со лба несуществующий пот. — А если бы разбилась, ещё неудобно было бы просить с них деньги.

— Не разбилась бы. Я смотрел, — Юй Лан улыбнулся ему.

Ужин уже подходил к концу, когда Чжоу Цидоу пришёл сказать, что все сегодняшние заготовки проданы. Вэнь Юань велел Юй Лану повесить табличку «Закрыто».

Юй Лан повесил деревянную дощечку, поднял глаза на толпу у акробатов и обернулся:

— Молодой хозяин.

Вэнь Юань с сомнением подошёл:

— Что такое?

Юй Лан присел на месте в устойчивую стойку, затем похлопал себя по бедру и сказал:

— Молодой хозяин, вставайте.

— Что? — Вэнь Юань остолбенел. — Ты с ума сошёл? Быстро встань.

— Там слишком много людей. Отсюда должно быть немного видно, — Юй Лан не шелохнулся,

стоял крепко и ровно. — Молодой хозяин, не бойтесь, не упадёте.

— Но это же прямо на улице... — Вэнь Юань оглянулся и увидел, что кто-то уже забрался на дерево, а кто-то даже на крышу.

— Просто встаньте, — Юй Лан протянул ему руку.

Сердце Вэнь Юаня дрогнуло. Помедлив, он опёрся рукой о крепкое плечо Юй Лана, стиснул зубы и шагнул ему на бедро.

Шух - взгляд сразу поднялся.

Рост Вэнь Юаня среди гэров считался высоким, но мужчины всё равно были выше гэров, не говоря уже о Юй Лане, который и среди мужчин выделялся ростом. Это был пейзаж, какого он прежде не видел, словно он оказался на огромном дереве и увидел дальше, шире.

— Так вот что ты обычно видишь, — невольно сказал Вэнь Юань.

Юй Лан поднял на него глаза и улыбнулся:

— Не настолько высоко.

Вэнь Юань опустил взгляд, посмотрел на него и рассмеялся:

— Всё равно высоко.

— Красиво? — спросил Юй Лан.

Вэнь Юань снова посмотрел вперёд:

— Там огонь выплёвывают, пламя выше человека. И правда кто-то чаши держит: не только на голове, ещё на руках и плечах.

Боясь, что молодой хозяин оступится, Юй Лан держал правую руку чуть позади его талии, не касаясь, лишь готовый подхватить. Талия у молодого хозяина была такой тонкой, что, казалось, одной рукой можно обхватить кругом. Но Юй Лан не стал.

Вэнь Юань засмотрелся. Правая рука машинально стала искать опору; он несколько раз схватил пустой воздух и вдруг коснулся тыльной стороны правой руки Юй Лана.

Он тут же растерялся. Украдкой взглянул на Юй Лана - тот смотрел вперёд, будто тоже был увлечён представлением.

— Ты видишь? — спросил Вэнь Юань.

— Вижу, — ответил Юй Лан. — Когда ловишь рыбу, часто ещё не рассвело. Привык смотреть в темноте, вижу ясно.

— Раньше, на первое и пятнадцатое числа, на праздники или дни рождения, господин Сунь всегда приглашал в дом театральную труппу.

Юй Лан поднял на него глаза.

— Но я редко ходил смотреть. Как только труппа приходила, я сам уходил на улицу искать что-нибудь вкусное. У меня ведь были деньги: что хотел, то и ел, — Вэнь Юань улыбнулся.

— Молодой хозяин.

Улыбка на губах Вэнь Юаня чуть погасла.

— М?

Юй Лан посмотрел на него и спросил:

— Молодой хозяин не любит театр?

Вэнь Юань замер.

— Почему ты так решил?

Потому что, когда ты улыбаешься, кажется, тебе очень грустно.

— Угадал.

Вэнь Юань безмолвно покосился на него:

— Я ведь сейчас смотрю. Разве не логичнее предположить, что люблю?

— Угу, — сказал Юй Лан. — Тогда любите.

— Не то чтобы я не любил. Это они меня не любили, — тихо рассмеялся Вэнь Юань. — Потому что стоило мне появиться, третий молодой господин семьи Сунь сразу становился недоволен. А стоило ему стать недовольным, весь дом Сунь начинал шуметь.

Правая рука Юй Лана мгновенно сжалась в кулак. Он не стал судить, кто прав и виноват в семье Сунь, а только сказал:

— Молодой хозяин достоин того, чтобы его любили.

Вэнь Юань вдруг почувствовал, будто стоит не на чужой ноге, а на огромной скале: твёрдо, надёжно, и за спиной больше не страшны ни ветер, ни волны.

Он сразу рассмеялся и спрыгнул с ноги Юй Лана.

— Устал?

— Нет.

Юй Лан выпрямился легко и уверенно, совсем не похожий на человека, который только что полчашки чая стоял в стойке.

Вдали у акробатов вышел новый исполнитель с мечами, копьями и шестами, и толпа снова взорвалась криками одобрения.

Последний стол гостей в закуской Вэнь ушёл, и работники собрались убирать чашки, палочки, столы и стулья. Перед началом уборки Вэнь Юань позвал всех работников и по очереди выдал им жалованье за прошлый месяц.

Люй Сань-нян не могла поверить, что получила целых два лян. Молодой хозяин ведь ни разу не говорил, что повысит ей жалованье!

Она стала главным поваром меньше месяца назад. По-хорошему, даже если повышать, то только со следующего месяца.

Глаза её покраснели, и она почти не смогла сдержаться.

— Ай... — Вэнь Юань не умел утешать людей и лишь беспомощно улыбнулся. — Это положено тебе как главному повару. В этом месяце ты хорошо потрудились. Завтра приготовь ещё несколько пробных блюд.

Люй Сань-нян поспешно закивала:

— Лепёшки «Цветы сливы» у меня уже почти получаются. Завтра обязательно подам молодому хозяину на пробу!

— Хорошо, иди работай, — сказал Вэнь Юань.

В тот миг, когда Люй Сань-нян отвернулась, слёзы резко брызнули из глаз. Когда она прочно станет главным поваром, у неё появится шанс забрать дочь и жить вместе с ней. Тогда им с дочерью больше не придётся смотреть на лица её родни.

Го Бацзы всё ещё выглядел подавленным. Получив деньги, он на миг обрадовался и уже хотел бежать отправлять их домой, но тут вспомнил: младшему брату его деньги, выходит, и не нужны. Тогда какого чёрта отправлять!

Оставит себе и купит большой куриный окорок!

— Брат.

Го Бацзы замер и резко поднял голову:

— Ты зачем пришёл? Закусочная уже закрыта, иди в другое место есть.

Го Няньцзы немного помялся:

— Брат, я не есть пришёл.

— Тогда ты всё обдумал? — лицо Го Бацзы немного смягчилось. — Скорее возвращайся учиться. А деньги зарабатывать...

— Брат, — перебил его Го Няньцзы, — я не вернусь. Я могу и работать, и учиться.

— Нет! — лицо Го Бацзы изменилось. Те ученики, что приходили есть в закусочную, все учились в академиях и вовсе не заботились о пропитании. Он прекрасно понимал: учёба - дело совсем нелёгкое, и одновременно работать и учиться попросту невозможно!

Злость разом хлынула ему в голову, и он, не выбирая слов, выпалил:

— Либо возвращайся учиться, либо мы с тобой больше не братья!